

В. А. БОЛДИН

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА БАЛКАНАХ: БЫВШИЕ ЮГОСЛАВСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

MEMORY POLITICS IN THE BALKANS: THE FORMER YUGOSLAV REPUBLICS IN SEARCH OF IDENTITY

More than twenty years have passed since the state of Yugoslavia ceased to exist and seven new state formations were gradually formed on its ruins – Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia, Montenegro and Kosovo. Each of them has tried to build their own memory politics and national identity, opposing themselves to the once- united socialist state. Nevertheless, (post) Yugoslav memory has not disappeared from the social and political discourse of the former Soviet republics, remaining to exist as a “memory knot” and surpass the borders of the (post) Yugoslav states. One of the key features of the memory politics in all the former Yugoslav republics was the denial of the communist past and the core political myth underlying Yugoslavia’s identity – the myth of World War II. Revisionist politics and “memory wars” made it possible for some time to dull the pain of the recent collective trauma of the 1990s. In the long term, however, memory politics like these will stand in the way of the achievement of consensus and harmony in society, generating instead a new surge of nationalism and an escalation of social conflict.

Keywords: Memory studies, memory politics, national identity, the Balkans, the former Yugoslavia

Vladimir A. Boldin – PhD in Political Science, assistant, Lomonosov Moscow State University.
Email: boldin.v.a@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0681-098X>

1 Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых–кандидатов наук (проект МК-1526.2020.6 «Славянская идея: от национального самоопределения к европейской интеграции (историко-политологический анализ)»).

This study is a written version of a lecture given at a conference devoted to memory politics in Central and Eastern Europe and Russia held at ELTE on September 30th and October 1st, 2021.

Citation: V.A. Boldin, “Politika pamiaty na Balkanakh: byvshie iugoslavskie respubliky v poiskakh identichnosti [Memory Politics in the Balkans: The Former Yugoslav Republics in Search of Identity], *RussianStudiesHu* 4, no. 2 (2022): 14 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2022.4.12

Уже больше двадцати лет прошло с того момента, как государство Югославия прекратило свое существование, а на его обломках постепенно сформировалось семь новых государственных образований. Каждое из них попыталось выстроить собственную политику памяти и национальную идентичность, противопоставляя себя некогда единому социалистическому государству. Безусловно, политика памяти в каждом из этих государств имеет собственную специфику и преследует разные цели. Однако одно можно сказать наверняка – (пост)югославская память никуда не делась из общественного и политического дискурса бывших союзных республик, продолжая существовать в качестве «узла памяти»² и преодолевать границы (пост)югославских государств.

Если все же предпринять попытку найти что-то общее в проводимой политике памяти бывших югославских республик, то в глаза бросается следующий нарратив – отрицание коммунистического прошлого и ключевого политического мифа, лежавшего в основе идентичности Югославии – мифа о Второй мировой войне. Именно через данный символический акт выстраивается новая, (пост)югославская идентичность балканских республик.

Как отмечают современные исследователи: «В рамках югославского метанарратива возглавляемая коммунистами партизанская борьба с оккупантами и коллаборационистами (реальными и мнимыми) обрела статус мифа одновременного освобождения и основания новой Югославии, а сам Тито предстал в сакральном образе революционного, политического и военного вождя, сопоставимом с ролями Ленина и Сталина в советском метанарративе»³. После Второй мировой войны «партизанский миф» стал ключевой цементирующей идеей социалистической Югославии: партизаны-коммунисты становились главными героями фильмов и книг, им посвящались научные труды, по всей Югославии в честь партизан воздвигались масштабные монументы, а коммеморация событий, связанных со Второй мировой войной, приобретала все более пафосный и масштабный характер. Одновременно с этим увеличивалось и кол-во табуированных тем, например, участие одних политических сил, кроме коммунистов, в антифашистском движении, или коллаборационизм других.

2 MICHAEL ROTHBERG, *Multidirectional memory: remembering the holocaust in the age of decolonization* (Stanford: Stanford University Press, 2009).

3 Д. В. ЕФРЕМЕНКО, Е.Ю.МЕЛЕШКИНА, «Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан», *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС* 16, no. 1 (2020): 83. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

В итоге, после распада Югославии и последовавших за этим кровопролитных войн, политические силы, пришедшие к власти в республиках, взяли курс на антикоммунизм и отрицание Югославского прошлого. При этом между коммунистическим режимом в Югославии и тоталитаризмом ставился знак равно. Нормальной стала ситуация, когда в глазах широкой публики образ партизан демонизировался, а режим социалистической Югославии изображался как преступный. Подобный ревизионизм и попытки любыми способами отделаться от ставшего неудобным прошлого привели к тому, что все антикоммунистические силы, существовавшие в стране, объявлялись героями и борцами за национальную свободу.

Примеры можно найти почти в каждой постъюгославской республике. Попробуем дать их краткий обзор.

СЕРБИЯ

Показательным событием стала реабилитация движения четников. Это движение в годы войны носило крайне противоречивый характер, т.к. формально до 1943 г. четники находились на стороне союзников, но в то же время сотрудничали с оккупационными силами и совершали преступления против гражданского населения. Подобная двойственность открывает возможности диаметрально противоположным историческим интерпретациям⁴. Так, в 2004 г. Парламент Сербии принял закон, по которому партизаны и четники получили равный статус ветеранов Второй мировой войны⁵. Следующим шагом стал Закон о реабилитации, принятый в 2006 г. Согласно ему «реабилитации подлежат лица, которые без судебного или административного решения или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 по сегодняшний день и проживали

4 Е.ДЖУРЕЙНОВИЧ, «Работы малочисленной группы историков-ревизионистов получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти». Интервью с Е. Джурейнович, *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 64. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-61-76>

5 NATAŠA GOVEDARICA, "Zemlja nesigurne prošlosti. Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991-2011. godina", in *Re:vizija prošlosti. Politike sećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 174 –175.

на территории Республики Сербия»⁶. В 2009 г. Правительство Сербии учредило две государственные комиссии, целью которых стал «пересмотр исторических событий», связанных с войной и послевоенным периодом,⁷ а памятники четникам были воздвигнуты по всей стране.

Известный историк Д. Стоянович так объясняет развитие вышеупомянутого ревизионизма: «антикоммунизм использовался как главное идеологическое оружие. Создается впечатление, что новые власти полагали, что это позволит им завоевать больше симпатий избирателей, между которыми существовал глубокий раскол. <...> Необходимо было скомпрометировать победу югославских коммунистов в войне, так как она являлась источником их последующей политической власти. Также было необходимо скомпрометировать успехи Тито по укреплению единой Югославии, в связи с тем, что новые сербские власти под руководством Милошевича основывали понятие государства на антиюгославизме»⁸.

ХОРВАТИЯ

В случае Хорватии показательны примеры новых практик коммеморации, целью которых стало не только уравнивание жертв Второй мировой войны и послевоенного времени, но и уравнивание в правах участников фашистских и антифашистских военных формирований. Согласно принципам политики примирения времен первого президента Хорватии Туджмана, основной задачей объявлялось достижение национального единства между хорватами, разделенными в годы Второй мировой войны на усташей и партизан. В 2000 г. Парламент Хорватии принял «Декларацию о Войне за независимость», установившую единый взгляд на историю Югославии⁹ и «преступления тоталитарного коммунистического режима, совершенные в Хорватии в период 1945–1990»¹⁰. По сути, только за хорватами признавалось участие

6 Zakon o rehabilitaciji, *Službeni glasnik RS*, br. 33/06.

7 GOVEDARICA, “Zemlja nesigurne prošlosti...”, 177.

8 DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji”, in *Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića*, eds. Ola Listhaug, Sabrina P. Ramet and Dragana Dulić (Belgrade: Žene u crnom, 2010), 232.

9 VJERAN PAVLAKOVIĆ and GORAN KOROV (eds.), *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope* (Zagreb: Srednja Europa, 2016), 45.

10 TAMARA BANJELAV, “Sjećanje na rat ili rat sjećanja? Promjene u politikama sjećanja u Hrvatskoj od 1990. godine do danas” in *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni*

в антифашистском движении¹¹, а «память о Второй мировой войне была подвергнута пересмотру»¹². Политика ревизионизма сопровождалась и разрушением материальных мест памяти. По подсчетам хорватских специалистов, из 937 мемориалов, посвященных партизанскому движению в годы Второй мировой войны, к 2014 в Хорватии сохранилось только 310¹³. Попытки же заменить памятники партизанам новыми мемориальными комплексами часто не достигали поставленных целей. Так, например, последний конкурс на установку мемориала «Жертвам Второй мировой войны и послевоенного периода» (2019) закончился скандалом о плагиате, а установка мемориала жертвам Холокоста в Загребе в том же 2019 г. привела к масштабной дискуссии в обществе, т.к. мемориал был установлен без каких-либо упоминаний преступлений усташей против еврейского населения¹⁴. Таким образом, политика памяти, проводимая хорватскими политиками, остается темой ожесточенных дискуссий и не привела к консолидации и примирению в обществе, а «публичный дискурс жертв Второй мировой войны почти полностью ушел в тень послевоенного периода или так называемых “жертв коммунистического террора”»¹⁵.

СЛОВЕНИЯ

Немного иначе обстоят дела с политикой памяти в Словении, хотя и там она не лишена ревизионизма. Словения, в отличие от других

i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 113.

- 11 JELENA DJUREINOVIĆ, “Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia”, *Review of Central and East European Law* 43, no.2 (2018): 232–251. <https://doi.org/10.1163/15730352-04302005>; STEVO DJUREŠKOVIĆ, “National identity building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass”, *Nationalities Papers* 44, no. 5 (2016): 772–788. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1171301>
- 12 С. Хорватинчич, «История Югославии используется как урок о возможности создать приемлемую версию социализма без его “отрицательных сторон”. Интервью с С. Хорватинчич», *Историческая экспертиза*, no. 4(2020): 98. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-97-124>
- 13 DEJAN JOVIĆ, *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj* (Zaprešić: Fraktura, 2017), 192.
- 14 SVEN MILEKIĆ, “„Of Course We Don’t Deny the Holocaust“: Holocaust Distortion in Contemporary Croatia”, *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*, no.12 (Spring 2020): 60–65.
- 15 ХОРВАТИНЧИЧ, «История Югославии...», 111.

югославских республик, достаточно безболезненно вышла из состава Югославии и первой (еще в 2004 г.) присоединилась к ЕС. С самого начала словенские политики взяли курс на позиционирование своей страны в исторических терминах: «Зеленый кусочек Европы», «Солнечная сторона Альп» или «Зеленое сердце Европы»¹⁶. Так формировался образ особой «альпийской культуры» Словении, не имеющей ничего общего с югославским прошлым¹⁷. Подчеркивалось, что Словения всегда была частью общего европейского пространства, а «недолгий» социалистический опыт рассматривался как досадная случайность.

Дискуссионной стала и тема участия словенских коммунистов в партизанском движении в годы Второй мировой войны. Основная полемика развернулась вокруг двух основных вопросов: во-первых, было бы лучше для Словении если бы ее освободили западные союзники и тогда бы она не стала частью будущего социалистического государства; во-вторых, не было ли слишком суровым послевоенное наказание для нацистских и фашистских коллаборационистов из Словенского домобранства, поддерживаемых католической церковью. По сути, сегодня отношение к партизанам и Словенскому домобранству выступает политическим маркером. В то же время, в отличие от соседней Хорватии, мемориальные объекты югославского прошлого в Словении не были разрушены. Взамен этого рядом установили новые памятники, посвященные Словенскому домобранству¹⁸. Хотя нельзя сказать, что это вызвало всеобщее одобрение. Например, в 2015 г. на прототипе памятнику «Жертвам всех войн» в Любляне кто-то написал краской «Хватит играть в партизан и Словенское домобранство». Дискуссия по этому поводу не утихает в стране до сих пор.

16 М. Великоня, «Переходные десятилетия характеризуются во многом шизофренической ситуацией, когда политическое отторжение социалистической Югославии сосуществует с поп(культурным) приятием этого же периода словенской истории или, по меньшей мере, более нюансированным отношением к нему. Интервью с М.Великоней», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): С.78. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-77-96>.

17 Великоня, «Переходные десятилетия...», 77.

18 GAL KIRN, "Transformation of memorial sites in the post-Yugoslav context", in KARAMANIĆ S. and ŠUBER D (eds.), *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia* (Leiden: Brill Publishers, 2012), 268.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Что касается Боснии, то, как точно заметил Н.Молл, для ландшафта памяти этой страны характерна «фрагментация, сосуществование и соревнование различных нарративов и политик памяти»¹⁹. Сербы, хорваты и боснийцы, три государственно образующих народа, создают собственные, зачастую конкурирующие политики памяти, независимо от того, это память о далеком средневековье или о недавнем югославском прошлом. Как отмечает М. Палмбергер, в Боснии «повествование о государственном континуитете ведется с разных “укрепленных позиций” (anchoring points), антифашистская традиция Второй мировой войны “этнизирруется” и присваивается, общегосударственный нарратив отсутствует»²⁰. Приведем один показательный пример. В 2005 г., в попытке создать универсальный символ, способный объединить граждан лоскутной Боснии, в г. Мостар был установлен памятник американскому актеру Брюсу Ли, который указывает рукой на разделительную линию города. Этот шаг не только не привел к консолидации населения города, но даже наоборот: вскоре памятник был разрушен и так и не был восстановлен²¹.

ЧЕРНОГОРИЯ

Политика памяти в Черногории претерпевала достаточно сильные изменения за последние 30 лет. Так, в начале 90-х гг. черногорское правительство оказывало всяческую поддержку Сербии, стремившейся сохранить территориальную целостность Югославии, о чем свидетельствует активное участие черногорских военных в операциях на стороне сербов, например, в осаде Дубровника в 1991 г. Как известно, политика сербских властей вызвала активное неприятие международного сообщества и, как следствие, военное вмешательство, что низвело Сербию до положения «изгоя». Столь «непривлекательное»

19 NICOLAS MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today’s Bosnia and Herzegovina”, *Nationalities Papers* 41, no. 6 (2013): 911. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>

20 М. ПАЛМБЕРГЕР, «Практики “пересечения границ” и проявления солидарности существовали до, во время и после войны. Интервью с М. Палмбергер», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 126. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-125-135>

21 MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country...”, 925.

положение Сербии открыло путь черногорскому национальному проекту²², чем не преминула воспользоваться часть элит во главе с текущим президентом страны М. Джукановичем, который за тридцать лет своей политической карьеры превратился из самого молодого европейского премьер-министра и коммуниста сначала в сербского националиста и союзника Милошевича, а затем в убежденного поборника независимости Черногории и ее проевропейской интеграции²³.

В противоположность соседям, нынешняя черногорская идентичность основана не на идее «невинной жертвы», а на том, что Черногория вышла победительницей из противостояния с османами и из Второй мировой войны²⁴. Отличительной чертой является и то, что рядовые граждане в Черногории часто хранят трепетное отношение к Югославии, которая ассоциируется со временами экономического процветания²⁵. Во многом поэтому правительство Черногории не инициирует никаких крупных исследований по вопросам военных и послевоенных преступлений коммунистов.

Северная Македония

В случае Северной Македонии проблема поиска собственной национальной идентичности натывается на противодействие со стороны Греции и Болгарии, которые отрицают эту идентичность как таковую. Так, например, в Болгарии на государственном уровне регулярно делаются заявления, что македонская идентичность, включая язык и государственность – это изобретение социалистического режима Югославии.

22 TOM GALLAGHER, “Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro during and after the Yugoslav Wars”, *International Journal of Politics, Culture, and Society* 17, no.1 (Fall, 2003): 53–71. <https://doi.org/10.1023/A:1025336909977>

23 JOVANA MAROVIĆ, “Dějà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović wins Montenegro’s presidential election”, *LSE Blog*, April 18, 2018, <https://blogs.lse.ac.uk/euoppblog/2018/04/18/deja-vu-montenegrin-style-milo-djukanovic-wins-montenegros-presidential-election/> (Accessed September 29, 2021).

24 М. Вуканович, «В 1960–1980-е духовные наследники черногорских четников... придерживались сугубо проамериканских антикоммунистических позиций. Сейчас они с той же страстью поддерживают Россию как бастион православия и антиглобализма. Интервью с М. Вукановичем», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 147. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-136-158>

25 DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states”, *European Politics and Society* 18, no.1 (2017):10–22. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1269440>

В попытке сконструировать собственную идентичность в Македонии «социалистическое наследие усиленно выдавливалось из публичного пространства, прежние нарративы общей антифашистской борьбы были оттеснены на второй план и пересмотрены»²⁶. Например, в годы правления премьер-министра Н. Груевского был принят Закон о люстрациях, расширявший «социалистический период» вплоть до 2006 г²⁷, и предписывающий священникам, журналистам, членам неправительственных организаций, адвокатам, ученым сообщать о сотрудничестве с УДБ (Управа за државна безбедност)²⁸. Противопоставление социалистическому прошлому достигалось путем «антиквизации» македонской идентичности, то, что по аналогии можно назвать «мобилизацией античности». Одним из шагов в этом направлении стала масштабная программа по архитектурному переустройству столицы Македонии – «Скопье-2014», с целью превратить Скопье в «европейскую» столицу, придав ей античный и исключительно моноэтничный облик²⁹. Так, например, в ходе реализации проекта на центральной площади Скопье была воздвигнута 22-х метровая статуя Александра Великого. Кроме того, по замыслу Правительства в Скопье должно было появиться множество новых сооружений, начиная от филармонии и заканчивая торговыми центрами, выполненными в стиле барокко и неоклассики, что по мысли авторов проекта должно было «затмить» социалистическое и османское наследие в архитектурном облике Скопье. Кроме того, предполагалось установка более двадцати бронзовых и мраморных скульптур исторических деятелей, символизирующих древность македонской государственности³⁰. Попытка «переизобрести культурное наследие и переучредить национальную

26 LJUBICA SPASKOVSKA, "From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugoslav Republic of Macedonia", *Opendemocracy*, July 23, 2014, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/> (Accessed September 29, 2021).

27 С. АНАСТАСОВА, «Практики предчувствующей памяти могут стать мощным оружием в борьбе с современным капитализмом. Интервью с С. Анастасовой», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 188. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-186-209>

28 ARIANNA PIACENTINI, "Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia", *Nationalism and Ethnic Politics* 25, no.3 (2019): 273–291. <https://doi.org/10.1080/13537113.2019.1639426>

29 ANDREW GRAAN, "Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia", *Cultural Anthropology* 28, no.1 (2013): 169–170. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2012.01179.x>

30 GRAAN, "Counterfeiting the Nation?...", 161–179.

идентичность»³¹ вызвала не только многочисленные протесты общественности, архитектурных и научных кругов, а также простых жителей столицы, но и правительства соседней Греции, увидевшего в нем попытку присвоить себе ее античное наследие.

КОСОВО

Что касается Косово, то здесь в принципе сложно говорить о консолидированной политике памяти. С одной стороны, как и на всей территории (пост)югославского пространства, этнонационалистические нарративы, подчеркивающие многовековую национальную идентичность косоваров, процветают как в официальных учебниках истории, так и в государственной практике коммемораций и политическом дискурсе³². С другой стороны, сербское население Косово категорически настроено в отношении возможного признания косовской государственности. Как правильно заметил Ф. Бибер: «герои одного народа являются врагами или военными преступниками в глазах представителей другого народа»³³. Показательный пример: в 2013 г. сербская полиция демонтировала памятник албанским «героям» – членам военизированного формирования, установленного в сербском городе Прешево. На другой день «Косовская ассоциация ветеранов войны» уничтожила монумент социалистической эпохи в городе Витине. Этот пример хорошо иллюстрирует тот факт, что в глазах албанского населения нет разницы между сербским национализмом и югославским социализмом, оба этих явления «сливаются в процессе построения образа “врага”»³⁴.

31 GORAN JANEV, “‘Skopje 2014’: Erasing Memories, Building History”, in COUROUCLİ M. and MARINOV T. (eds.), *Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. (London: Routledge, 2015), 111–132. <https://doi.org/10.4324/9781315562872-6>

32 BEKIM BALIQI, “The Aftermath of War Experiences on Kosovo’s Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo”, *Zeitgeschichte*, (Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017): 6–19. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3048215>

33 FLORIAN BIEBER, “Monumental Exchange. My hero, your terrorist”, *Florian Bieber’s notes from Syldavia*, February 5, 2014, <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (Accessed September 29, 2021).

34 Э. Красничи, «Историография албанских косоваров представляет собой описание долгой истории угнетения, в результате она сосредоточена на политических нарративах. Интервью с Э. Красничи», *Историческая экспертиза*, no. 4 (2020): 171. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-159-185>

Еще одной ключевой особенностью низовой памяти во всех (пост) югославских странах становится феномен югоностальгии – «в результате мы одновременно наблюдаем как прославление старых добрых времен, так и демонизацию всего, что связано с партизанским движением, социализмом, Тито и Югославией»³⁵. Важнейшая характеристика югоностальгии – «селективность, предполагающая обращение лишь к отдельным положительным фрагментам действительности»³⁶. Однако югоностальгия как феномен обладает значительным политическим потенциалом. Это обусловлено тем, что население балканских республик испытывает определённую усталость от активно продвигаемых их правительствами дискурсов этнического национализма. Кроме того, югоностальгия является средством выражения запроса на социальную и экономическую справедливость, т.к. во многих постсоциалистических странах региона по-прежнему достаточно высок уровень экономического расслоения населения.

Как отмечает Е. Джурейнович, несмотря на то, что в настоящий момент ностальгические нарративы «не вызывают заметного резонанса в политическом пространстве», в то же время «они формируют югославскую идентичность и общее югославское пространство, не требуя воссоздания единой югославской нации и югославского государства»³⁷. Кроме того, обращение к общему югославскому прошлому иногда помогает избежать конфликтов и неудобных тем в настоящем.

В заключение, на мой взгляд, необходимо обратиться к словам Дж.Минка, так охарактеризовавшего цели ревизионистской политики: «привести к общественному согласию, пересмотреть некоторые спорные аспекты истории или избежать ответственности, “заметая следы преступного прошлого”»³⁸. Ревизионистская политика и «войны памяти» в молодых балканских республиках позволили на какое-то время притупить боль от недавней коллективной травмы 90-х гг., однако в дальнейшей перспективе подобная политика не позволит добиться консенсуса и согласия в обществе, а лишь будет порождать новый всплеск национализма и эскалацию общественных конфликтов. В то

35 Великоня, «Переходные десятилетия...», 79.

36 Е. Ю. Мелешкина, «Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ», *Политическая наука*, no.3 (2018): 265–289. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11>

37 Джурейнович, «Работы малочисленной группы...», 64.

38 GEORGES MINK and LAURA NEUMAYER, *L'Europe et ses passés douloureux* (Paris: La Découverte, 2007), 15.

же время, (пост)югославская память никуда не делась из общественного и политического дискурса бывших союзных республик, продолжая существовать в качестве «узла памяти» и преодолевать границы (пост)югославских государств.

References

- SENKA ANASTASOVA, «Praktiki predchuvstvuiushchei pamiati mogu stat' moshchnym oruzhiem v bor'be s sovremennym kapitalizmom. Interv'iu s C. Anastasovoi» [Anticipatory Memory Practices Would Have the Potential to Emerge as a Potent Tool in the Fight against Capitalism Today: An Interview with Senka Anastasova], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 186–209. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-186-209>.
- BEKIM BALIQI, “The Aftermath of War Experiences on Kosovo’s Generation on the Move — Collective Memory and Ethnic Relations among Young Adults in Kosovo”, *Zeitgeschichte*, (Januar/Februar 2017 — 44. Jg. February 2017): 6–19. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3048215>
- TAMARA BANJEGLAV, “Sjećanje na rat ili rat sjećanja? Promjene u politikama sjećanja u Hrvatskoj od 1990. godine do danas [Remembrance of War or War of Remembrance? Changes in Memory Politics in Croatia from 1990 to the Present]” in *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 91–162.
- FLORIAN BIEBER, “Monumental Exchange. My hero, your terrorist”, *Florian Bieber’s Notes from Syldavia*, February 5, 2014, <https://florianbieber.org/tag/world-war-one/> (Accessed September 29, 2021).
- JELENA DJUREINOVIĆ, “Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism for Rehabilitating Victims of Communism in Serbia”, *Review of Central and East European Law* 43, no. 2 (2018): 232–251. <https://doi.org/10.1163/15730352-04302005>
- STEVO DJUREŠKOVIĆ, “National identity-building and the „Ustaša nostalgia“ in Croatia: the past that will not pass”, *Nationalities Papers* 44. no. 5 (2016): 772–788. <https://doi.org/10.1080/00905992.2016.1171301>
- JELENA ĐUREINOVIĆ, «Raboty malochislennoi gruppy istorikov-revizionistov poluchaiut ogromnyi rezonans v media, poskol’ku oni vystupaiut agentami sanktsionirovannoi gosudarstvom politiki pamiati». Interv’iu s E. Dzhureynovich» [Serbian Revisionist Historians are Actually Fewer than Five People. However, Their Work Resonates Widely Because They Receive Media Attention: An Interview with Jelena Dureinovic], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 61–76. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-61-76>
- DMITRY EFREMENKO AND ELENA MELESHKINA, «Iugoslavskii metanarrativ i sovremennaia iugonostal'giia v stranakh Zapadnykh Balkan» [Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries], *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS* 16, no. 1 (2020): 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

TOM GALLAGHER, "Identity in Flux, Destination Uncertain: Montenegro During and After the Yugoslav Wars", *International Journal of Politics, Culture, and Society* 17, no. 1 (Fall 2003): 53–71. <https://doi.org/10.1023/A:1025336909977>

NATAŠA GOVEDARICA, "Zemlja nesigurne prošlosti. Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991-2011. godina" [A Land of Uncertain Past: Memory Politics in Serbia in the Period 1991-2011.], in *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine* (Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012), 163–234.

ANDREW GRAAN, "Counterfeiting the Nation? Skopje 2014 and the Politics of Nation Branding in Macedonia", *Cultural Anthropology* 28, no.1 (2013): 161–179. 170. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2012.01179.x>

SANJA HORVATINČIĆ, «Istorija Jugoslavii ispol'zuetsia kak urok o vozmozhnosti sozdat' priemlemuiu versiiu sotsializma bez yego "otritsatel'nykh storon". Interv'iu s S. Khorvatinchich» [The Story of Yugoslavia is Used as a Lesson on the Acceptable Version of Socialism Without its 'Negative Sides': An Interview with Sanja Horvatincic], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 97–124. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-97-124>

GORAN JANEV, "Skopje 2014: Erasing Memories, Building History", in COUROUCLI M. and MARINOV T. (eds.), *Balkan Heritages: Negotiating History and Culture*. (London: Routledge, 2015), 111–132. <https://doi.org/10.4324/9781315562872-6>

DEJAN JOVIĆ, *Rat i mit: politika identiteta u suvremenoj Hrvatskoj* [War and Myth: Identity Politics in Contemporary Croatia] (Zaprešić: Fraktura, 2017).

GAL KIRN, "Transformation of Memorial Sites in the Post-Yugoslav Context", in KARAMANIĆ S. AND ŠUBER D (eds.) *Retracing Images: Visual Culture after Yugoslavia* (Leiden: Brill Publishers, 2012), 251–282.

ELIFE KRASNICHI, «Istoriografija albanskih kosovarov predstavliaet soboi opisanie dolgoi istorii ugnetenia, v rezul'tate ona sosredotochena na politicheskikh narrativakh. Interv'iu s E.Krasnichii» [Kosovar-Albanian Historiography Reflects a Long History of Oppression, Which Conditioned This Focus on Political Narratives: An Interview with Dr. Elife Krasniqi], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 159–185. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-159-185>.

JOVANA MAROVIĆ, "Dèjà vu, Montenegrin style: Milo Đukanović wins Montenegro's presidential election", *LSE Blog*, April 18, 2018, <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2018/04/18/deja-vu-montenegrin-style-milo-dukanovic-wins-montenegros-presidential-election/> (Accessed September 29, 2021).

ELENA MELESHKINA, «Pamiat' o sotsialisticheskoi Jugoslavii v publicnom prostranstve byvshikh respublik SFRYU» [Memory of Socialist Yugoslavia in the Public Sphere of the Former SFRY Republics], *Politicheskaja nauka*, no.3(2018):265–289. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.11>.

SVEN MILEKIĆ, "'Of Course We Don't Deny the Holocaust': Holocaust Distortion in Contemporary Croatia", *Prism: An Interdisciplinary Journal for Holocaust Educators*, no.12 (Spring 2020): 60–65.

GEORGES MINK and LAURA NEUMAYER, *L'Europe et ses passés douloureux* [Europe and its Painful Pasts] (Paris: La Découverte, 2007).

NICOLAS MOLL, “Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today’s Bosnia and Herzegovina”, *Nationalities Papers* 41, no.6 (2013): 910–935. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>

VJERAN PAVLAKOVIĆ and GORAN KOROV (eds.), *Strategije simbolične izgradnje nacije u državama Jugoistočne Evrope* [Strategies of Symbolic Nation-Building in the Countries of South East Europe] (Zagreb: Srednja Europa, 2016).

MONIKA PALMBERGER, «Praktiki “peresecheniia granits” i proiavlennia solidarnosti sushchestvovali do, vo vremia i posle voiny. Interv’iu s M. Palmberger» [There are Practices of ‘Border-Crossing’ and Acts of Solidarities Before, During and After the War: An Interview with Monika Palmberger], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 125–135. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-125-135>.

ARIANNA PIACENTINI, “Trying to Fit In: Multiethnic Parties, Ethno-Clientelism, and Power-Sharing in Bosnia and Herzegovina and Macedonia”, *Nationalism and Ethnic Politics* 25, no. 3 (2019): 273–291. <https://doi.org/10.1080/13537113.2019.1639426>

MICHAEL ROTHBERG, *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization* (Stanford: Stanford University Press, 2009).

LJUBICA SPASKOVSKA, “From feudal socialism to feudal democracy – The trials and tribulations of the former Yugoslav Republic of Macedonia”, *Opendemocracy*, July 23, 2014, <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/from-feudal-socialism-to-feudal-democracy-trials-and-tribulati/> (Accessed September 29, 2021).

DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “Interpretacije istorije i promene sistema vrednosti u Srbiji” [Interpretations of History and Changes in the Value system in Serbia], in *Građanske i negrađanske vrednosti u Srbiji: Vreme posle Miloševića*, eds. OLA LISTHAUG, SABRINA P. RAMET and DRAGANA DULIĆ (Belgrade: Žene u crnom, 2010), 213–232.

DUBRAVKA STOJANOVIĆ, “The crossed swords of memory: the image of communist Yugoslavia in the textbooks of its successor states”, *European Politics and Society* 18, no. 1 (2017): 10–22. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1269440>

MITJA VELIKONYA, «Perekhodnye desiatiletiia kharakterizuiutsia vo mnogom shizofrenicheskoj situatsiei, kogda politicheskoe ottorzhenie sotsialisticheskoi Iugoslavii sosushchestvuet s pop(kul’turnym) priiatiem etogo zhe perioda slovenskoj istorii ili, po men’shei mere, bolee niuansirovannym otnosheniiem k nemu. Interv’iu s M.Velikonei» [The Transitional Decades Have Been Marked by a Rather Schizophrenic Situation, Where Political Rejections of the Socialist Yugoslav Period of Slovene History Coexist with a (Pop)cultural Acceptance of this Part of the Same History: An Interview with Mitja Velikonja], *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 4 (2020): 77–96. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-77-96>

MILOŠ VUKANOVIC, «V 1960-1980-e dukhovnye nasledniki chernogorskih chetnikov... priderzhivalis’ sugubo proamerikanskikh antikommunisticheskikh pozitsii. seichas oni s toi zhe strast’iu podderzhivaiut Rossiiu kak bastion pravoslaviia i antiglobalizma. Interv’iu s M. Vukanovichem» [The Descendants of Montenegrin Chetniks Were Extremely Pro-American in the 1960s–1980s. Now, They Are Pro-Russian with Equal Vigor, Emphasizing Russia’s Status as a Bastion of Orthodox Christianity and Anti-Globalism”: An Interview with Milos Vukanovic], *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 4 (2020): 136–158. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2020-4-136-158>.

Zakon o rehabilitaciji [Law on Rehabilitation], *Službeni glasnik RS*, br. 33/06.